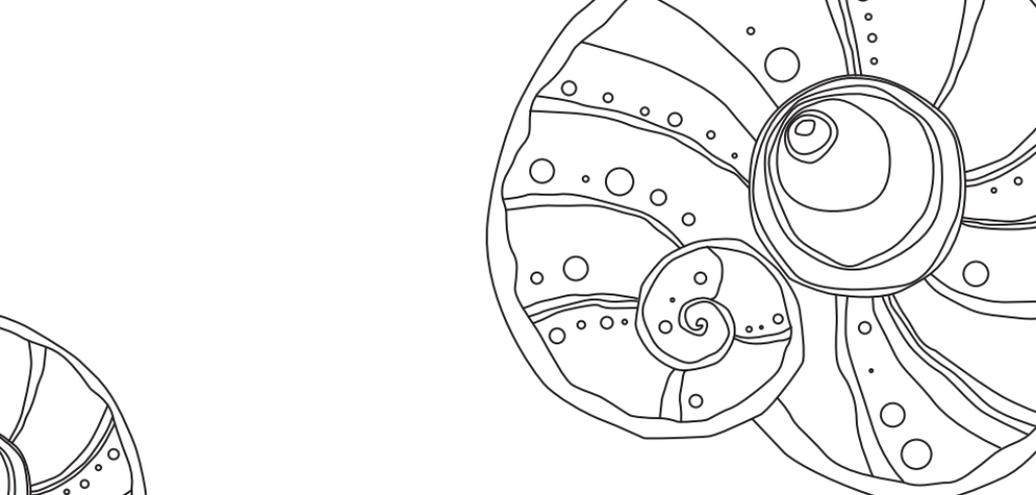

СЕРИЯ РОЗА ВЕТРОВ ❁

АРКАДИЯ

Надя
ХАШИМИ

ЖЕМЧУЖИНА,
СЛОМАВШАЯ
СВОЮ
РАКОВИНУ

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2018

УДК 821.111
ББК 84(7)
Х11

Nadia Hashimi
THE PEARL THAT BROKE ITS SHELL

Перевела с английского
Юлия Крусанова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Хашими Н.

X11 Жемчужина, сломавшая свою раковину : [роман]/
Надя Хашими; [пер. с англ. Ю. Крусановой]. — СПб. :
Аркадия, 2018. — 608 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-32-0

Афганистан, 2007 год. У Рахимы и ее сестер отец наркоман, братьев нет, школу они могут посещать лишь иногда и вообще редко выходят из дома. Надеяться им остается только на древнюю традицию «бача пош», благодаря которой Рахима можно одеться как мальчику и вести себя как мальчик, — пока она не достигнет брачного возраста. В качестве «сына» ей разрешено всюду ходить и сопровождать старших сестер. Но что будет, когда Рахима повзрослеет? Как долго она будет оставаться «мужчиной»? И удастся ли ей смириться с ролью невесты?

Дебютный роман Нади Хашими, американки афганского происхождения, — это рассказ о трудной судьбе, о бессилии и о праве распоряжаться своей жизнью.

УДК 821.111
ББК 84(7)

© Nadia Hashimi, 2014
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-32-0

Глава 1
РАХИМА

Шахла опередила нас и теперь стояла возле калитки — железной, выкрашенной в ярко-зеленый цвет, с бурыми подтеками ржавчины возле петель. Она сердито хмурилась: нам никак нельзя было снова опоздать к обеду.

Мы с Парвин ускорили шаг насколько могли, из-под резиновых подошв башмаков в воздух поднимались маленькие облачка пыли. Я взмокла, платок прилип к вспотевшему лбу, подол юбки захлестывал лодыжки. Думаю, Парвин чувствовала себя не лучше.

Проклятые мальчишки! Уличные оборванцы с наглými ухмылками — по их вине мы уже не первый раз опаздываем домой после школы.

Шахла помахала нам.

— Давайте быстрее! — раздраженно зашипела она, распахивая калитку.

Запыхавшись, мы вошли во двор вслед за старшей сестрой.

Калитка за нами с грохотом захлопнулась.

— Парвин! Ну что ты делаешь?!

— Ой, прости, прости, я не думала, что получится так громко.

Шахла закатила глаза, я тоже. Парвин вечно хлопала этой дурацкой калиткой.

Обычно нам приходилось делать приличный крюк, чтобы обойти рынок, где с утра до вечера околачивались стайки мальчишек: они прохаживались взад и вперед, засунув руки в карманы и сгорбив плечи, цепко подмечая шустрыми глазами все, что творится на деревенской улице. Другой их любимой забавой была игра в футбол — беспорядочная беготня за мячом в пыли и грязи. А еще им нравилось преследовать девочек. Они шатались возле школы, дожидаясь, пока у нас кончатся уроки. Как только мы покидали школьный двор, какой-нибудь мальчишка, выбрав объектом своего внимания ту или иную девочку, пускался в погоню. Ловко лавируя между прохожими, он шел за ней по пятам.

Погоня считалась чем-то вроде заявления о праве на «собственность», которое мальчик предъявлял своим приятелям: «Это моя девочка, отныне только я могу играть роль ее тени, так что остальным лучше держаться подальше». Сегодня объектом непрощеного внимания стала моя двенадцатилетняя сестра Шахла.

Мальчики полагали, что их преследования должны льстить девочкам. Но тех они лишь пугали: вдруг кто-то подумает, что девочка дала повод для подобных знаков внимания. На самом деле мальчишкам попросту нечем было заняться, да и то — какие развлечения могли они найти в деревне?

— Шахла, а где Рохила? — прошептала я, пока мы на цыпочках пробирались вдоль стены дома.

— Понесла еду соседям. Мама-джан еще утром говорила, что приготовит баклажаны. Мне кажется, у соседей кто-то умер.

— Умер? — едва слышно выдохнула я. Внутри у меня что-то оборвалось, и я поспешила сосредото-

читься на том, чтобы как можно тише ступать вслед за сестрой.

— А где мама-джан? — хриплым от напряжения голосом спросила Парвин.

— Скорее всего, укладывает спать Ситару, — обернувшись к нам, сказала Шахла. — Вы лучше говорите потише, а то она узнает, что мы вернулись только сейчас.

Парвин и я остолбенели. Увидев наши вытянувшиеся физиономии, Шахла тоже замерла на мгновение, затем быстро повернулась — мама-джан стояла позади нее. Она несколько секунд назад вышла через заднюю дверь, ведущую в маленький, мощный камнем дворик, куда мы устремились в надежде незаметно пробраться в дом.

— Ваша мама прекрасно знает, когда вы, девочки, возвращаетесь домой, а также очень хорошо видит, какой пример старшая сестра подает младшим. — Мама скрестила руки на груди. Этот жест был столь же резким, как и тон ее голоса.

Шахла залилась краской до ушей и, опустив голову, уставилась себе под ноги. Мы с Парвин изо всех сил отводили глаза, чтобы не встретиться с сердитым взглядом мамы-джан.

— Где вы были?

О как же мне хотелось рассказать ей правду!

Какой-то мальчишка, один из тех немногих счастличиков, у которых имелся собственный велосипед, увязался за нами, как только мы вышли из ворот школы. Он проносился мимо нас, мчался вниз по улице, делал разворот и снова летел нам навстречу. Шахла продолжала шагать, не обращая на него внимания. Когда я шепнула, что мальчишка буквально ест ее

глазами, сестра шикнула на меня. Можно подумать, наш преследователь испарился бы сам собой, если бы мы сделали вид, будто ничего не происходит. Обгоняя нас в очередной раз, мальчишка промчался так близко, что едва не задел Шахлу локтем.

Сделав разворот в конце улицы, он снова поехал к нам. И тут случилось непредвиденное. Переднее колесо велосипеда наскочило на пустую жестянку, валяющуюся посреди дороги. Мальчишка, пытаясь сохранить равновесие, начал вихлять из стороны в сторону, и тут как назло у него на пути возник выскочивший из подворотни пес. Увертываясь от собаки, хулиган вывернул руль и покатил прямо на нас. Мы видели испуганные глаза мальчишки, вскинутые вверх брови и разинутый от напряжения рот.

— Парвин, осторожно! — вскрикнула я, едва успев оттолкнуть сестру в сторону.

Незадачливый велосипедист просвистел мимо нас и, врезавшись в каменные ступени крыльца бакалейной лавки, опрокинулся на землю.

— Ой, вы только посмотрите на него — валяется на земле, бедняжка! — громким насмешливым голосом прокомментировала аварию Парвин.

— Как думаете, он не ранен? — спросила Шахла. Зажав рот ладонью, она смотрела на потерпевшего крушение мальчишку, словно страшнее происшествия в жизни не видела.

— Парвин, твоя юбка! — Я перевела взгляд с озабоченной физиономии Шахлы на разодранный подол юбки другой сестры.

Видимо, кусок проволоки, которым был примотан разболтавшийся багажник велосипеда, зацепил одежду Парвин, выдрав здоровенный клочок.

Это была новая школьная юбка. Парвин моментально начала всхлипывать. Мы знали: если мама-джан расскажет о случившемся папе-джан, он снова запретит нам ходить в школу. Такое уже случилось.

— Итак, где вы были? — повторила мама. — Вы являетесь домой с опозданием, да еще в таком виде, словно собак по улицам гоняли!

Шахле частенько приходилось оправдываться, отдуваясь за всех нас, и теперь вид у нее сделался раздраженный и даже немного усталый. Парвин, сплошной комок нервов, как обычно в таких ситуациях, не могла вымолвить ни слова, лишь беспокойно переминалась с ноги на ногу и теребила уголок платка. Я услышала собственный голос прежде, чем сообразила, о чем, собственно, рассказываю маме.

— Мама-джан, мы не виноваты! Там был мальчик на велосипеде, он ехал за нами. Мы не обращали на него внимания, но он не отставал. Я даже накричала на него — сказала, чтобы убирался прочь, безмозглый осел, если, конечно, не забыл, в какой стороне находится его дом.

Парвин нервно хихикнула. Мама-джан смерила ее взглядом.

— Мальчик? Он приближался к вам? — спросила она, оборачиваясь к Шахле.

— Нет, мама-джан, он ехал позади, в нескольких метрах от нас. Он вообще ни слова не сказал.

Мама-джан вздохнула и, разомкнув сложенные на груди руки, потерла виски пальцами.

— Ладно. Идите в дом и садитесь за уроки. Посмотрим, что скажет папа-джан.

— Ты собираешься рассказать ему?! — вскричала я.

— Конечно, я собираюсь рассказать ему, — ответила мама и хлопнула меня чуть пониже спины, когда я прошмыгнула мимо нее в дом. — У нас не принято утаивать правду от отца!

Усевшись за домашнюю работу, мы с сестрами то и дело отрывались от наших тетрадок и принимались тихонько обсуждать, что же скажет папа-джан, когда придет домой и узнает о нашем сегодняшнем приключении. У Парвин появилось несколько идей насчет того, каким образом можно исправить ситуацию.

— Мы могли бы сказать, что учителя знают о тех мальчишках и уже сделали им выволочку, поэтому они больше не будут досаждают нам, — воодушевленная собственной выдумкой, предложила Парвин.

— Парвин, и что будет, когда мама пойдет в школу и спросит Бехдари-ханум¹, так ли это? — резонно возразила Шахла.

— Хорошо, — не унималась Парвин, — тогда мы скажем, что мальчик извинился и обещал больше не приставать к нам. Или скажем, что станем ходить другой дорогой, где нет мальчишек.

— Отлично, Парвин, вот ты все это и расскажешь папе. Мне надоело всех выгораживать.

— Парвин ни слова не скажет, — заметила я, поглядывая на сестру. — Она такая смелая, только когда ее никто не слышит.

— Зато ты у нас смелее некуда! — надувшись, буркнула Парвин. — Посмотрим, Рахима, что станет с твоей храбростью, когда папа-джан придет домой и мама-джан все ему расскажет.

Само собой, когда дело дошло до разговора с отцом, мне, в мои девять лет, не хватило храбрости даже рот

¹ Госпожа. Вежливое обращение к женщине. Здесь и далее — примеч. пер.

раскрыть. Все возражения остались при мне, я стояла, крепко сжав губы, и молчала. В конце концов папа снова, как это уже случалось в прошлом, решил забрать нас из школы.

Мы умоляли папу-джан позволить нам продолжать учебу. Классный руководитель Парвин, давнишняя подруга мамы-джан, с которой они дружили с детства, приходила к нам домой и пыталась урезонить отца. В прошлый раз, когда нам запретили ходить в школу, ей это удалось, но сейчас папа-джан был непреклонен. В принципе он не возражал, чтобы мы учились, но не мог позволить, чтобы какие-то уличные мальчишки преследовали его дочерей. Среда бела дня, у всех на глазах — ужасно!

— Будь у нас сын, мы не знали бы таких проблем, — в сердцах добавил отец. — Проклятье! Почему у нас полный дом девочек! Ну две, ну три, но пять — пять дочерей!

Когда начинались подобные разговоры, мама-джан замолкала и принималась хлопотать по дому, понимая, что вся тяжесть обвинений ложится на ее плечи: это она не смогла родить ему сыновей.

Если папа-джан начинал сердиться, ему требовалось время, чтобы переварить неприятности и успокоиться. Обычно в таких случаях мама-джан велела нам помалкивать и вести себя уважительно, как подобает хорошим дочерям, и тогда вскоре все снова встанет на свои места. Еще мама-джан говорила, что мы не должны обижаться на отца: он стал таким раздражительным оттого, что в его жизни случилось очень много плохих вещей. Однако нам становилось все труднее припомнить время, когда отец не был раздражительным и не сердился на нас.